

на Руси в советской историографии¹⁷⁹. Напечатаны также статьи по социальной истории: о торговле дворцовых крестьян в первой половине XVIII в. (Е. И. Индова)¹⁸⁰ и о народных движениях XVII в. (Ю. А. Тихонов)¹⁸¹.

Библиографию книг и статей по русской истории вели в начале 60-х годов XX в. два издания — «Revue des études slaves» и «Cahiers du monde russe et soviétique»¹⁸². В первом указываются работы, вышедшие в разных странах, и даются их очень краткие аннотации. Полнее всего здесь представлена французская литература, советские же исследования упоминаются крайне выборочно, в зависимости от взглядов и вкусов авторов обзора. Во втором издании мы находим перечни лишь французских трудов, но зато перечни относительно полные.

Итак, во французской историографии 1960–1964 гг. нельзя не видеть определенного прогресса в области изучения истории России XVIII–XIX вв. С ростом молодых национальных кадров специалистов усиливалась тенденция к расширению фактологической базы исследований. Началось широкое использование неопубликованных источников из архивов Франции, СССР, Турции и других стран.

Тенденция к объективизации концепций также имела место, хотя ее нельзя преувеличивать. Влияние марксизма ограничено во французской историографии более сильным влиянием традиционных и новомодных буржуазных философских, политэкономических и политических схем. Вместе с тем голоса таких традиционалистов, как П. Паскаль, и особенно эмигрантов типа А. В. Карташева, постепенно заглушаются новыми голосами. Наличие этой новой струи определило возможность публикации во Франции статей советских авторов.

Хронологическое разделение интересов эмигрантской и национальной историографий, при всей его условности, довольно показательно. Национальная французская историография с гораздо большим вниманием относится к тому периоду в истории России, когда происходит развитие капитализма (XVIII–XIX вв.) и наблюдается экономическое и политическое сближение России с Западной Европой. В этом направлении исследований — стремление найти в истории России то, что сближает ее с недавним прошлым и отчасти настоящим Запада.

¹⁷⁹ Klibanov A. I. Les mouvements hérétiques en Russie du XIII-e au XVI-e siècle // CMRS. 1962. № 4. P. 673–684.

¹⁸⁰ Indova E. I. Les activités commerciales de la paysannerie dans les villages du tsar de la région de Moscou (première moitié du XVIII-e siècle) // CMRS. 1964. № 2. P. 206–228.

¹⁸¹ Tihonov Ju. A. Les mouvements populaires en Russie au XVII-e siècle: (Les guerres paysannes et les révoltes urbaines) // CMRS. 1962. № 3. P. 486–504.

¹⁸² См.: RÉS. T. 37, 39, 41–43; CMRS. 1963. № 1–2; 1964. № 3.

Указанное направление в основе своей компромиссно, его методологическая тенденциозность сочеталась с тенденцией объективного научного исследования, вследствие чего и наметились отдельные точки сближения с марксистской историографией, хотя никакого тождества концепций советских и французских авторов мы здесь не наблюдаем.

Эмигрантская и проэмигрантская историография, напротив, интересовалась «доброжуазным» периодом русской истории, который она упорно отказывалась признать феодальным. В мнимом отсутствии классового antagonизма и в надклассности государства авторы стремились найти великое проявление русского национального духа, а в теории Третьего Рима видели знамя славянского интернационализма. В сочинениях историков этого лагеря заметна попытка сделать из допетровской Руси тот идеал, который они хотели бы противопоставить позднейшему устройству России и, конечно же, современной им российской действительности.

Вопросы социальной истории. Синтез

В настоящем разделе рассматривается тот же круг историографических источников, что и в предыдущем. Только тут принят другой подход к этим источникам. На их основании автор пытается сделать некоторые выводы и обобщения, касающиеся изучения во французской литературе 1960–1964 гг. главных вопросов социальной истории России IX–XIX вв.

§ 1. Периодизация истории дореволюционной России

В разработке или в следовании определенной периодизации проявляется философия истории, ибо принцип, положенный в основу периодизации, есть в конечном счете категория философская.

Наиболее традиционна периодизация П. Паскаля¹⁸³, основанная на татищевско-карамзинском принципе саморазвития форм монархии¹⁸⁴. Одним из существеннейших признаков схемы Паскаля является деление русской истории на допетровский и послепетровский периоды.

¹⁸³ Pascal P. Histoire de la Russie des origines à 1917, [4-ème éd.]. P., 1961; [5-ème éd.]. P., 1963.

¹⁸⁴ 800–1169 гг. — Киевская Русь, 1169–1462 гг. — период раздробленности, 1462–1700 гг. — Московия, 1700–1801 гг. — первый век петербургского периода, 1801–1917 гг. — Новая Россия.

Г. Вельтер¹⁸⁵ исходит из примата национального духа, понимаемого как нечто раз и навсегда данное («психологический детерминизм»). Поэтому его тенденция — не столько расставлять вехи, сколько устраниТЬ их. С позиций теории неизменяемости национального духа Вельтер не может признать переломным этапом деятельность Петра I. В то же время он, как и Паскаль, кладет в основу периодизации смену форм верховной власти, но в различных этапах истории России видит лишь различное проявление постоянного по своей сути национального духа¹⁸⁶.

Сходное отношение в периодизации наблюдается у А. В. Карташева, доведшего изложение истории русской церкви до конца XVIII в.¹⁸⁷ Ж. Мейendorff, выделяя в истории русской церкви «синодальный период», подчеркивает, что в смысле плодотворности духовного развития его нельзя противопоставлять предшествующему времени¹⁸⁸.

Для Б. Муравьева, как и для Вельтера, верховная власть не есть самодовлеющее начало, она — регулятор социального равновесия, в идеале — надклассовая сила, действующая в интересах всех сословий. Отсюда, в довольно близком соответствии с теорией Б. Н. Чичерина о закрепощении и раскрепощении сословий, главной вехой в русской истории оказывается «нарушение» «социального равновесия» — освобождение дворянства от обязательной службы в 1762 г.¹⁸⁹. Но и эта схема на практике сближается с периодизацией по этапам «правления».

Указанные схемы периодизации порождены идеалистической философией истории. Иной подход к периодизации — в трудах Р. Портала. В основе его принципа периодизации лежит теория смены общественно-экономических формаций. Разделяя тезис советской историографии о существовании феодальной формации в России до середины XIX в.¹⁹⁰, Порталь считает, что во времена Петра I произошло зарождение тех элементов «предкапитализма», которые в начале XIX в. привели к возникновению «переходного предкапиталистического режима»¹⁹¹.

¹⁸⁵ Welter G. *Histoire de Russie des origines à nos jours*. P., 1946; [2-ème éd.]. P., 1963.

¹⁸⁶ Киевская Русь; Московская Русь; Петербургская Россия (Петр I, правление немцев и национальная реакция, Екатерина II, царизм прусского типа).

¹⁸⁷ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. I-II.

¹⁸⁸ Meyendorff J. *L'église orthodoxe hier et aujourd'hui*. P., 1960. P. 102–107.

¹⁸⁹ Mouravieff B. *La monarchie russe*. P., 1962. P. 42–48, 112–114.

¹⁹⁰ См. его предисловие к книге: Confino M. *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII-e siècle*. P., 1963. P. 9.

¹⁹¹ Portal R. *Pierre le Grand*. [P.], 1961. P. 297.

§2. Вопрос о феодализме в России

Во французской историографии начала 60-х годов был распространен традиционный для буржуазной науки тезис об отсутствии феодализма в средневековой России. Обычную схему отрицания русского феодализма развивает Г. Вельтер, говоря, что на Руси не было ленной системы, устойчивого вассалитета и т. п. Более того, совершенно в духе авторов второй половины XIX в., А. Леруа-Болье и А. Рамбо Вельтер отлучает Россию не только от феодализма, но и от самой принадлежности определенного периода ее истории к «Средним векам». Общественные классы, по мнение Вельтера, начинают вырисовываться только в период «Северо-Восточной Руси», но и тогда сохраняются два древних принципа: взаимопроникновение классов и личный договор, связывающий подчиненного с высшим¹⁹². Паскаль о феодализме не упоминает. Однако, в отличие от Вельтера, утверждающего, что Киевская Русь не имела ясной классовой структуры, Паскаль считает русское общество X–XI вв. «достаточно дифференцированным»¹⁹³. Отсутствие «политического феодализма» в России декларирует Муравьев¹⁹⁴.

Привычным способом отрицания феодализма служит отрицание главного свойства феодальной структуры земельной собственности — зависимого положения крестьян. По мнению Паскаля, русское крестьянство было свободным до Соборного уложения 1649 г.¹⁹⁵ Вельтер тоже считает, что свободный землевладелец превращается в крепостного начиная с XVII в. Источник закрепощения Вельтер вслед за В. О. Ключевским видит в крестьянской задолженности¹⁹⁶. Мнение Ключевского о том, что не указ 1597 г. ввел крепостное право, разделяет и Грюнвальд¹⁹⁷. Паскаль склонен считать задолженность некоторым средством ограничения крестьянской свободы, однако установление крепостного права он связывает прежде всего с правительской деятельностью и, в частности, с законодательством середины XVII в., отвечавшим желанию помещиков удержать за собой крестьян¹⁹⁸.

Зинаида Шаховская не признает наличия крепостного права ранее XVIII в. Постановление Соборного Уложения 1649 г. о крестьянах она

¹⁹² Welter G. Op. cit. P. 88–90, 96.

¹⁹³ Pascal P. Op. cit. P. 17.

¹⁹⁴ Mouravieff B. Op. cit. P. 42–43.

¹⁹⁵ Pascal P. Op. cit. P. 18, 49, 56.

¹⁹⁶ Welter G. Op. cit. P. 99.

¹⁹⁷ Grunwald C. de. *La vraie histoire de Boris Godounov*. [P.], 1961. P. 83–84.

¹⁹⁸ Pascal P. Op. cit. P. 49, 56.

рассматривает не как проявление крепостнической политики, а как желание превратить русское крестьянство из бродячего в оседлое с целью улучшения сельскохозяйственного производства¹⁹⁹.

Однако никто не может отрицать наличия крепостного права в XVIII в. Что же представляет собой крепостное право: результат ли это предшествующего развития или принципиально новое для XVIII в. явление?

Как результат эволюции феодального способа производства его рассматривает только Порталь²⁰⁰. Вельтер и Паскаль представляют крестьян второй половины XVII в. по существу полными холопами, а крестьян XVIII в. — рабами. Крепостничество в изображении Вельтера — чисто экономическое господство, разновидность рабства²⁰¹.

У М. Конфино социально-экономическая природа «крепостного режима» остается невыясненной, а саму организацию власти внутри поместья автор склонен считать следствием сознательного копирования дворянами государственной военно-полицейской структуры²⁰². По мнению Ж. Л. ван Режеморте, Конфино в целом придерживается «марксистской концепции сенюриальной экономики, основанной на внеэкономическом принуждении»²⁰³. Заметим, что для марксизма характерно рассмотрение внеэкономического принуждения не как основы, но как свойства феодальной экономики, являющейся следствием феодальной структуры земельной собственности. Книга же Конфино порождает представление о внеэкономическом происхождении крепостного режима в XVIII в.

Идею государственного происхождения крепостного права во второй половине XVIII в. сформулировал Муравьев, считающий, что указ 1762 г. о вольности дворянства означал введение феодализма в самой «одиозной» его форме — в форме «социального феодализма». «Социальный феодализм» Муравьева по существу близок к «экономическому феодализму» Г. Вернадского, но, в отличие от него, не распространяется на историю России до второй трети XVIII в. и, кроме того, отождествляется с рабством²⁰⁴. Исключительно с деятельностью государственной власти связывает развитие крепостного права во второй половине XVIII в. и Ольга Вормсер²⁰⁵.

Есть тенденция трактовать крепостное право не просто как результат правотворчества государства, но как следствие внедрения

государством чуждых России форм экономического быта. Муравьев лишь констатирует, что насаждение «социального феодализма» уподобило русских дворян немецким сеньорам. Шаховская прямо называет крепостное право екатерининских времен «странным следствием европеизации»²⁰⁶.

Итак, крепостное право — это рабство (Вельтер, Паскаль), внеэкономическое принуждение (Режеморте), «социальный феодализм» (Муравьев), результат «европеизации» (Шаховская). При всем различии формулировок и пониманий авторов объединяет тенденция видеть в крепостном режиме частное право — собственность на людей, т. е. не феодализм в полном смысле этого слова с типичным для него смешением публичного и частного права. Тот факт, что и в XVIII в. феодальная структура земельной собственности продолжала быть источником политического господства землевладельцев над крестьянами, остается в тени. Напротив, делается попытка показать отсутствие у местного дворянства реальной политической власти неправительственного происхождения, а само земельное дворянство рассматривается в политическом аспекте лишь как разновидность чиновничества. Вельтер видит отсутствие корпоративности уже у боярства XIV–XVI вв. Боярство, по его мнению, не было корпорацией или сословием. Оно представляло собой просто группы семей, имевшие узкоэгоистические цели²⁰⁷. Тезис о дворянстве как чиновничестве для XVII в. развивает Вельтер²⁰⁸, для первой половины XVIII в. — Симона Блан, для всего послепетровского периода позднего феодализма (1725–1861 гг.) — М. Раев. Статья Блан написана под сильнейшим влиянием трудов русских историков конца XIX – начала XX в. – М. М. Богословского, П. Н. Милюкова, Ю. В. Готье и др. Автор разделяет тезис буржуазной историографии о том, что русское провинциальное дворянство не создало корпораций, которые явились бы органами власти на местах, а превратилось в «добровольную бюрократию» — сборщиков податей²⁰⁹. В интересной статье Раева также подчеркивается отсутствие дворянской корпоративности, система дворянского самоуправления расценивается в качестве средства содействия государственным чиновникам²¹⁰. Из этой концепции исходит и Грюнвальд, утверждая, что политический вес дворянина в XVII–XIX вв. определялся не земельной собственностью, а местом на бюрократической лестнице²¹¹.

¹⁹⁹ Schakovskoy Z. La vie quotidienne à Moscou au XVII-e siècle. [P], 1963. P. 57–60.

²⁰⁰ Portal R. Pierre le Grand. P. 296.

²⁰¹ Pascal P. Op. cit. P. 56–57, 65, 70–71, 76; Welter G. Op. cit. P. 175–176, 258, 260.

²⁰² Confino M. Op. cit. P. 95, 259.

²⁰³ См. рецензию Режеморте на книгу Конфино: RHMC, 1964. № 4. P. 310.

²⁰⁴ Mouravieff B. Op. cit. P. 45.

²⁰⁵ Wormser O. Catherine II. P., 1957; 2-ème éd. P., 1962.

²⁰⁶ Schakovskoy Z. Op. cit. P. 57–60.

²⁰⁷ Welter G. Op. cit. P. 167.

²⁰⁸ Ibid. P. 168.

²⁰⁹ Blanc S. La pratique de l'administration russe dans la première moitié du XVIII-e siècle // RHMC. 1963. № 1. P. 45–64.

²¹⁰ Raeff M. L'état, le gouvernement et la tradition politique en Russie impériale avant 1861 // RHMC. 1962. № 4. P. 295–307.

²¹¹ Grunwald C. de. L'assassinat de Paul I-er, tsar de Russie. [P], 1960. P. 145–146.